

Посессивы и имена способа действия¹

Possessives and mode of action nouns in russian

Падучева Е. В. (elena708@gmail.com)

ВИНИТИ РАН

Концептуальный аппарат модели «Смысл–Текст» предлагает тщательно разработанную классификацию предикатных имен. Различаются имена действия, субъекта, объекта и второго объекта действия; имена инструмента, места и других обстоятельств. В работе речь идет об именах способа. Показано, что имена способа, мотивированные переходным глаголом, имеют специальную диатезу, в которой субъект выражен не твор. падежом, а посессивом.

Данная работа продолжает сопоставление (начатое в Падучева 1984) семантики посессивов со значениями генитива, который тоже имеет — в позиции при имени — прежде всего посессивное (иначе — притяжательное) значение.

Посессивы в русском языке можно разделить на две группы.

1) Притяжательные местоимения: личные *мой, твой, ваш, наш* и, с оговорками, местоимения 3 лица (*его, ее, их*); возвратное *свой*; вопросительно-относительное *чей*; неопределенные *чей-то, чей-нибудь, чей-либо, кое-чей*; отрицательное *ничей*.

2) Притяжательные прилагательные на *-ов, -ин, -овский*. (Как справедливо отмечается в Шмелев 2008, прилагательные на *-ий* — *лиса-лисий, баба-бабий* — обладают иными свойствами и должны изучаться отдельно; они не обладают основным значением посессивов — значением посессивности: *лисий хвост*, но не **лисий сыр*; *обезьянья ловкость*, но не **обезьяний банан*.)

Обе группы посессивов обстоятельно изучены в статье Шмелев 2008, которая сосредоточена на посессивах в контексте предметных имен. Меня же будут интересовать посессивы в контексте предикатных имен, т. е. отглагольных (как *интерпретация* от *интерпретировать*) и глагольных, как *концепция* от предполагаемого глагола со значением ‘создавать концепцию’. Будет показано, что посессивная диатеза позволяет выделить класс предметных имен — условно названных именами способа действия — обладающих нетривиальными общими свойствами.

1. Притяжательное местоимение

Соответствующие притяжательные имеются у всех субстантивных местоимений — за одним показательным исключением: отсутствует притяжательный коррелят у субстантивного *это* и соответствующего ему относительного *что* (как в контексте ... *но робость поступить несвоевременно чуть-чуть мешала ей*, что было зря, Б. Ахмадулина).

Это отсутствие естественно вытекает из семантики притяжательности: в своем основном значении притяжательное местоимение выражает принадлежность лицу — т. е. обозначает лицо как посессора, а *это* не может обозначать лица.

Можно различить в значении притяжательного местоимения два компонента: а) денотативный компонент — референция к лицу; б) синтаксический компонент — принадлежность (в широком смысле) этому лицу.

Что касается значения принадлежности (принадлежность, притяжательность, посессивность — это все синонимы), то оно, как известно, возникает лишь в прототипическом для притяжательного местоимения контексте — в позиции при имени предмета (*моя кружка, ее расческа*). В контексте предикатного имени притяжательное местоимение не выражает принадлежности — и не всегда сохраняет свое свойство референции к лицу. Особенно это касается местоимений 3 лица: *ее отсутствие* может быть ‘отсутствие воды’, ‘отсутствие свободы’ и т. д. — хотя в *ее отсутствие* как в *мое*.

¹ Работа финансировалась грантом РГНФ, проект № 08-04-00181а.

Совмещение собственно притяжательных и субъектно-объектных функций у притяжательных местоимений широко распространено в самых разных языках, что представляет интерес с типологической точки зрения.

Остается еще сказать о референциальном статусе: у притяжательных местоимений имеется референциальная общность — они конкретно-референтны. Личное местоимение может относиться к имени родового статуса (*в нем* [сонете] *жар любви Петрарка изливал*), а притяжательное как правило не может.

Указанная референциальная специфика притяжательного местоимения проявляется в том, что во многих конструкциях генитив имени нельзя заменить на притяжательное местоимение, которое могло бы иметь соответствующий терм своим антецедентом²:

1) в конструкции с генитивом в значении сравнения: *золото волос* — °*их золото*;

2) генитив с характеризующим значением: *день радости* — °*ее день*;

3) в конструкции с определением в составе генитивной группы: *дома современной архитектуры* — °*ее дома*;

4) в конструкции со значением «свойственности» (термин из Земская 1992: 76): *взгляд Наполеона* = ‘взгляд как у Наполеона’; *ловкость обезьяны* = ‘ловкость как у обезьяны, свойственная обезьяне’; сочетания *его взгляд*, *ее ловкость* не допускают такого понимания

Если именная группа в такой конструкции конкретно-референтна, значение разрушается; сочетание *ловкость этой обезьяны* выражает просто отнесение свойства к его носителю.

Как легко видеть, все эти конструкции невозможны для притяжательного местоимения уже потому, что оно может иметь только конкретно-референтный статус (и антецедент).

2. Притяжательные прилагательные

Теперь о притяжательных прилагательных на *-ов* (*-ев*), *-ин* (*нин*) и *-овский*. В Грамматике 1960: 299 про прилагательные на *-ов* и *-ин* сказано, что они выражают «значение принадлежности одному лицу и не могут обозначать принадлежности группе лиц». Точнее будет сказать, что в составе прилагательных на *-ов* и *-ин* мотивирующее существительное, если оно имело референцию к конкретному лицу, сохраняет эту референцию: притяжательное прилагательное *-ов* и *-ин* — это как бы притяжательная форма конкретно-референтного имени.

(Что же касается прилагательных на *-ий* (*бабий*), то они мотивированы существительным в родовом статусе.)

Родовой статус для слов на *-ов* и *-ин* невозможен, ср. пример из Шмелев 2008: сочетание *портрет девушки* будет переведено на английский язык как *a portrait of a girl*, *а девушек портрет* — только как *a portrait of the girl*.

Имеется весьма широкий и постоянно пополняемый класс притяжательных прилагательных на *-овский*: *вендлеровская классификация*, *рихтеровское исполнение* и т. д. В отличие от модели на *-ов*, которая непродуктивна (в Земская 1992: 76 отмечен только один пример новообразования — *Гулливеров*), прилагательные на *-овский* с притяжательным значением образуются от иностранных фамилий, попадающих во 2-е склонение, практически без ограничений — так же, как прилагательные на *-ин* от имен 1-го склонения (*Ванин*, *Шарлоттин*). Прилагательные на *-овский*, как и притяжательные местоимения, выполняют собственно притяжательную функцию и функцию субъекта. Так что мы вправе говорить об общей посессивной семантике у местоимений и прилагательных. NB. В сочетаниях *апостольское послание*, *читательское мировоззрение*, *богословское толкование*, *обывательское восприятие действительности*, в которых основа имеет родовой, а не конкретно-референтный статус, суффикс *-ский*, а не *-овский*.

Если имя, мотивирующее посессив, конкретно-референтное, возможна синонимическая замена посессивной конструкции на генитивную³:

(1) Иногда *свиридовские взгляды на грядущее* (да и на современное ему настоящее тоже) просто донельзя черны и мрачны. [Станислав Золотцев. *Духовный подвиг исполина // «Наш современник», 2004.06.15*] = *взгляды Свиридова на грядущее*.

Впрочем, притяжательное прилагательное может быть употреблено «в значении свойственности»:

(2) В «Чайке» никто не стеснялся современных манер, отчаянных бросков преодолевая известную *чеховскую недосказанность характеров*, сложную разветвленную речь и объективность *чеховского взгляда на человека*. [Анатолий Смелянский. *Концерт для скрипки с оркестром (1990–2000)*]; здесь *чеховский* = ‘свойственный Чехову’.

² Знак ° выражает тот факт, что сочетание хотя и возможно, но не имеет ожидаемого значения.

³ Все примеры с указанием источника — из Национального корпуса русского языка, адрес в Интернете — www.ruscorgpora.ru.

3. Имена способа действия и их посессивно-генитивная диатеза

Имеется контекст, в котором общая семантика посессивов дала о себе знать. Речь идет о конструкции, в контексте которой притяжательное местоимение и прилагательное, включая прилагательное на *-овский*, полностью вытесняют генитив как средство выражения субъектного значения. Рассмотрим пример (на базе Падучева 1984, 1974: 203):

- (3) а. *твое* исполнение Шопена;
б. *Рихтеровское* исполнение Шопена;
в. *исполнение *Рихтера* Шопена.

Как мы видим, в контексте примера (3) субъект предикатного имени может быть выражен притяжательным местоимением, см. (3а), и притяжательным прилагательным, см. (3б), но не родительным падежом имени — при том, что в принципе генитив имени используется для выражения субъекта достаточно широко (*после приезда брата, в исполнении Рихтера* и т.д.) и соподчинение генитивов отнюдь не невозможно (*лишение брата наследства*).

Задача работы — описать семантику притяжательной конструкции, представленной примером (3б), и уточнить класс предикатных имен, в контексте которых возникают эффекты такого рода, как в примере (3).

Как известно, для участника субъекта при предикатном имени в русском языке имеется специальный способ выражения — творительный падеж:

- (4) разрушение Новгорода *московским князем*.

Генитивом чаще оформляется объект. Однако существуют ситуации, когда генитивом может, а иногда и должен, оформляться субъект. Например, субъект всегда выражается генитивом, если имя образовано от переходного глагола:

- (5) *приезд брата*;

- (6) *возвращение Ивана на родину*.

Если же имя мотивировано переходным глаголом, то оформление его субъекта генитивом возможно лишь при определенных условиях. Так, возможен генитив субъекта у имен, образованных от глаголов *любить, уважать*, которые, будучи переходными, не лицензируют, однако, генитива объекта у производных имен (*любить апельсины* дает *любовь к апельсинам*, а не *любовь апельсинов*).

Два других условия генитивного оформления субъекта формулируются с обращением к понятию диатезы.

1. Если предикатное имя относится к типу имен объекта⁴ (т.е. таких слов, как *совет, предложение, рассказ, преступление, намерение, воспоминание, замышл, жертва*), то генитив при нем однозначно интерпретируется как имя субъекта:

- (7) *предложение Каспарова*.

Это естественно, поскольку устранение участника объекта входит у имен объекта в структуру их словообразовательной модели: валентность на объект заполняется, так сказать, самим именем.

2. Если у имени редуцированная диатеза (Падучева 1977) — безобъектная, то тоже генитив однозначно интерпретируется как субъектный — объект выражен в контексте (в примере ниже подразумеваемый объект подчеркнут):

- (8) Машина не прошла проверки *экспертов*;
Он поддался на обман *злыхателей*;
Это обеспечило ему поддержку *коллег*.

Если же при данном имени есть генитив, который выражает объект, то субъект принципиально не может быть выражен тоже генитивом — он должен быть выражен творительным падежом, как в примере (4).

Теперь о притяжательном местоимении. Оно отличается от субъектного генитива ровно в одном пункте — оно не исключено (в субъектном значении) в контексте имени, при котором генитив выражает объект⁵, см. невозможное (3в) и безупречное (3а).

При этом, что замечательно, все посессивы ведут себя единообразно: не только притяжательное местоимение допустимо в контексте генитива субъекта, но и притяжательное прилагательное:

- (9) *геделево доказательство* теоремы о полноте;
папино истолкование моей просьбы;
шляпинское исполнение «Блохи».

Другое дело, что конструкция «субъектный посессив + предикатное имя + генитив объекта» допустима не при всех предикатных именах. Так, (10а), (11а) неправильно — нужно сказать (10б), (11б):

- (10) а. *мое *соблюдение тайны*;
б. *соблюдение мною тайны*;

- (11) а. *Все *зависит от его соблюдения тайны*;
б. Все *зависит от соблюдения им тайны*.

⁴ Мы опираемся здесь на концепцию семантики предикатных имен как она представлена в работах Мельчук 1974, Апресян 1974.

⁵ Пример, выявляющий это различие между генитивом и притяжательным местоимением был приведен в Иорданская 1967: 23.

Класс имен, располагающих диатезой с посессивным субъектом, представляет интерес — в контексте имен этого класса указанная конструкция не просто допустима: посессив является тут единственной возможностью выразить субъект.

В Падучева 1984 имена, располагающие диатезой с посессивом субъекта и генитивом объекта, были отнесены к именам способа. Имена способа предусмотрены общей классификацией отпредикатных имен из Мельчук 1974: 87, Апресян 1974: 48, 199. Но в числе примеров упоминаются преимущественно имена, образованные от непереходных глаголов (*походка, поведение*), и/или имена с родовым объектом, обозначающие узуальное действие или даже свойство на базе узуальных действий (*почерк, произношение*). Для них притяжательно-генитивная диатеза невозможна.

В то же время, в Апресян 1974: 199, где речь идет о регулярной многозначности имен действия и имен способа, в числе имен способа упомянуты слова *перевод, редакция*, и отмечается, что «существительные со значением способа иногда синкретически выражают и значение результата». А в таком случае есть основания отнести к именам способа слова, которые можно было бы назвать также и именами результата: четкая граница здесь отсутствует.

Имена способа, определенные таким образом, образуют весьма широкий класс. Особый интерес представляют имена способа, мотивированные переходными глаголами (такие как *трактовка, исполнение, понимание, осмысление, изображение, употребление, постановка, толкование*), поскольку это имена, обладающие тем замечательным свойством, что у них актантная структура включает субъект и объект, хотя они не являются именами ситуации.

Имена способа образуются от глаголов с валентностями «Кто?», «Кого/Что?» и «Как? / Каким способом/образом?» — последняя и отличает имена способа от имен ситуации.

Например:

Х трактует Y так-то \Rightarrow X-ова трактовка Y-а <такова>.

Общее правило состоит в том, что имя *i*-го актанта /сирконстанта глагола V замещает свою *i*-ю валентность самим собой.

Парадоксальное место в актантной структуре глагола занимает участник Результат (Падучева 1999). У глаголов создания он выражается объектом (*построить дом, создать теорию*) и, в соответствии со словообразовательной моделью имени объекта, из аргументной структуры имени объекта выпадает; так, в сочетании *Петра творенье* слово *творенье* — имя объекта от глагола создания, и генитив при нем однозначно понимается как субъектный. Между тем во всех других классах переходных глаголов позицию прямого объекта занимает Пациенс (например: *проколол подошву*) или какой-то другой участник (например, Цель, Goal, как в *решил зада-*

чу), а участник Результат — *прокол, решение* — не отражен в актантной структуре глагола. Поэтому при образовании имени результата от такого глагола генитив выражает Пациенса или Цель, а участник Результат хоть и выбывает из аргументной структуры имени, но это никак не сказывается на синтаксических потенциях слова.

Отсюда и происходит тот замечательный факт, что имена способа (равно как и имена результата не от глаголов создания), не будучи именами ситуации, подобно именам ситуации, способны сохранять обе основных синтаксических валентности мотивирующего переходного глагола — и субъектную, и объектную.

Итак, имена способа в этом широком смысле обладают следующими свойствами. Их актантная структура наследует от глагола обоих главных участников, субъект и объект, поскольку образуются по словообразовательной модели, которая не поглощает ни участника субъекта, ни объекта. Что объединяет их с именами ситуации. Но валентность субъекта у имен способа не может быть замещена творительным падежом, как у имен ситуаций, а только притяжательным местоимением или притяжательным прилагательным (типа *мамин, андреев*), в том числе — прилагательным на *-овский (отцовский, расселовский)*. Примеры (из Падучева 1984); в (12) притяжательное местоимение, в (13) — притяжательное прилагательное:

(12) Его *выбор* секунданта был неудачен; Чье *исполнение* Шопена Вам понравилось больше?; А какое Ваше *объяснение* причин этой ссоры? Его *употребление* метафор вызывает недоумение;

(13) *расселовская* трактовка дескрипций; *геделево* доказательство теоремы о полноте; Вот как обстоит дело в *мамино* понимании.

Если валентность субъекта заполняется твор. падежом, существительное перестает пониматься как имя способа:

(14) а. Его *понимание* этой проблемы не совпадает с моим [*понимание* — имя способа];
б. *Понимание* им этой проблемы свидетельствует о его искушенности в таких делах [*понимание* — имя факта].

(15) а. Его *исполнение* Шопена было великолепно [*понимание* — имя способа];
б. *Исполнение* им Шопена было неуместно [*понимание* — имя действия].⁶

⁶ В Падучева 1984 слово *исполнение* в примере (13б) было ошибочно названо именем факта (что отмечено в Schoorlemmer 1998): неуместным является, конечно, не факт, а действие.

Среди имен способа есть имена актанта и имена сирконстанта. Большая часть имен способа — это имена актанта Результат. Но у слов *почерк*, *походка*, в семантику которых входит идея Как?, Какой?, этот участник наследуется от сирконстанта мотивирующего глагола. Именем сирконстанта является имя способа удар в контексте *У него сильный удар*. Особо отметим слово *поведение*, у которого способ — Какое? — является актантом.

Имена сирконстантов обычно не наследуют участника Субъект; ср. *выход*, *выезд* как имена места. Но это потому, что они прошли через «опредмечивание» как отдельный этап семантической деривации.

Сколь важно различать имена ситуации и имена способа, показывает следующий пример ⁷:

(16) *Описание Томсоном условий, определяющих выбор падежа, остается одним из лучших.

Сама по себе ИГ *описание Томсоном условий, определяющих выбор падежа* правильно построенная и не вызывает никаких возражений. Но в данном контексте она оказывается неуместной — неуместной потому, что *описание* должно быть оформлено (в контексте характеризующего предиката — *остается одним из лучших*), как имя способа, а не как имя события или факта. В контексте имени способа следует употребить не твор.падеж, а посессив:

(17) *Томсоновское* описание условий, определяющих выбор падежа, остается одним из лучших.

Сочетание *перевод сонетов Шекспира Маршаком* вполне законно. Нельзя, однако, сказать *Перевод сонетов Шекспира Маршаком* не знает себе равных. Единственно возможной является посессивно-генитивная диатеза — *Маршаковский перевод сонетов Шекспира*, ср. в этой связи Апресян 1974: 199.

Верно и обратное — если имя не может быть понято как имя способа, то посессив неуместен для оформления его субъектного актанта. Так, в (16) нельзя заменить твор. падеж на притяжательное местоимение, поскольку имя *понимание*, в данном контексте, не является именем способа:

(18) Необходимое условие перевода — понимание ею <машиной> текста в полном объеме.

Почему же имена типа *исполнение* так естественно интерпретируются в значении способа — характера, манеры — исполнения? Дело в том, что упоминание субъекта переносит акцент на способ, которым данный субъект осуществляет это действие и, тем самым, на результат. Неудивительно, что име-

на способа тяготеют к контексту характеризующего предиката, см. (17), а также (19):

(19) *Его изображение Наполеона* слишком человеческое.

Для имен способа характерна также диатеза с подъемом генитивного объекта — так сказать, атрибутивная:

(20) а. его изображение *Наполеона*;
б. *Наполеон* в его изображении.

Хотя имена способа мотивированы глаголом действия, их субъект, выраженный посессивом, не совсем Агенс: указание субъекта действия сообщает результату какой-то признак, характеристику, которую слушающий может вычислить на базе знакомства с субъектом. Иначе говоря, указание субъекта намекает на какую-то характеристику результата.

Заметим, что притяжательное прилагательное на *-овский* и на *-ин* не в точности равны: сочетание *папина фотография* может быть понято в двух смыслах (*папа* субъект и *папа* объект), а *веласковский портрет* — только в одном: *Веласкес* — субъект.

Ниже следуют примеры, иллюстрирующие посессивную диатезу имен способа. Нас будут интересовать не все имена способа, а только те, которые мотивированы переходными глаголами и, следовательно, имеют диатезу <Субъект-Посессив, Объект-Генитив>.

4. Примеры

Примеры ниже показывают, как посессив (притяжательное местоимение или прилагательное) выражает субъект имени способа в контексте генитива объекта при том же слове.

АНАЛИЗ

Он отмечает, что *сахаровский анализ опасности* мирового ядерного самоубийства в точности совпадает с документами, опубликованными американскими учеными. [Г. Горелик., А. Сахаров. *Наука и свобода* (2004)]

ВИДЕНИЕ

... перенос в современность действия романа Оруэлла лишь банализирует трагедию оруэлловского видения тоталитаризма XX века... [М. Стуруа. *Взорвать Оруэлла. Пародия на «Ферму животных» вызвала литературный скандал // «Известия», 2003.01.10*]

⁷ Реальная фраза из работы нерусскоязычного слависта, прекрасно владеющего русским языком.

ВОСПРИЯТИЕ

Эти отношения помогают выявить некоторые чрезвычайно существенные аспекты шолоховского восприятия жизни.

[Ф. Раскольников. *Статьи о русской литературе* (1986–2000)]

У слова *восприятие* имеется — необъяснимая — диатеза с твор. субъекта, как если бы *восприятие* было именем действия, а не способа:

Впрочем, убежден руководитель фонда «Экспертиза» Марк Урнов, в *восприятии власти населением* очень силен эмоциональный фактор. [А. Корня. *Портрет власти: отличник на фоне двоечников* // «*Время МН*», 2003.11.24]

Откровенно признаюсь, крепкие сомнения у меня возникли по поводу адекватности *восприятия действительности соседешкой*... [В. Степанычев. *Я памятник себе воздвиг?* // «*Богатей*» (Саратов), 2003.10.23]

Это ставит под сомнение отнесение слова *восприятие* к именам способа.

ВЫБОР

Слово *выбор* имеет косвенную диатезу в примерах (1), (2) и прямую в (3), где *выбор* это 'предпочтение' (Падучева 2004):

(1) Видимо, контакт с авиапромышленностью и повальная увлеченность авиацией 30 годов сказались на *отцовском выборе* будущей профессии сына. [Валерий Родиков. *Михаил Вальденберг: «МИГи» жизни* // «*Российское оружие: война и мир*», 1997.01.28]

(2) работает уже 23 года, и ни разу не пожалела о *своем выборе профессии!* [Алла Ягодкина. *Отворите скорей: Почтальон у дверей!* // «*Приазовский край*», 2004.10.07]

(3) Если человек лишен возможности выбора зла, то **его выбор добра** полностью девальвируется. [Виталий Куренной. *Этика вида и генная инженерия* // «*Отечественные записки*», 2003].

ИЗОБРАЖЕНИЕ

(1) Например, к *его изображению ревнивца*, в лице Отелло, нельзя прибавить ни одной черты: так оно полно. [В. Н. Майков. *Статьи из вып. 1 «Карманного словаря иностранных слов»* (1845)]

ИЗЛОЖЕНИЕ

(1) Русскому же читателю, одолевшему *роллановское изложение* этого циркового вранья, напомним лишь, [Б. Носик. «*Кто*

ты? — Майя» // «*Звезда*», № 4, 2001]

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

(3) И здесь снова приходит на память «Анджело» и *его лотмановская интерпретация*. [Г. Кружков. *Поэт и эхо* // «*Дружба народов*», №6, 1999.06.15]

Чаще всего притяжательные на *-овский* мотивированы фамилиями иностранного звучания. Однако в тот же семантический класс входит, например, *отцовский*:

(5) Бесы, ведьмы и привороты — это уже сугубо *отцовская интерпретация*. [А. Ткачева. *Приворот* (1996)]

ИСПОЛНЕНИЕ

(2) прослушивалась магнитофонная запись «Петушков» в *Веничкином исполнении*, [Н. Шмелькова. *Последние дни Венедикта Ерофеева* (2002)] [безобъектная диатеза]

В (4) генитив объекта опущен, но должен быть ясен из предтекста:

(4) Но, пожалуй, именно *Рунино исполнение* до сих пор представляется мне наиболее точным. [А. Городницкий. «*И жить еще надежде*» (2001)]

ИСТОЛКОВАНИЕ

чувство юмора ей неведомо — что она доказала *своим истолкованием слова «трубадур»*. [М. Чулаки. *Примус* // «*Звезда*», № 1–2, 2002]

КОНЦЕПЦИЯ

То, что с ним там происходит, вполне укладывается в *бессоновскую концепцию французского кино*. [Французские поцелуи // «*Известия*», 2002.01.17] приближался к *толстовской концепции искусства*. [Год Сергея Прокофьева // «*Российская музыкальная газета*», 2003.02.12]

Но вернемся к *немцовской концепции правительства* — уборщицы. [Андрей Пионтковский. *Вотум недоверия: убить мутанта* // «*ПОЛИТКОМ.РУ*», 2003.06.18] [прямая диатеза] *платоновская концепция любви как восхождения по лестнице прекрасного* [Д. Гольинко-Вольфсон. *Культура интим-сервиса и кризис иронии* // «*Искусство кино*», 2003.06.30]

В *Дарвиновской концепции* эволюция состоит в том, что имеет место механизм приспособления. [Лекция А. Рапппорта «*Антиномии не чистого воображения*»]

ОЦЕНКА

А нас всех в классе поразила *его оценка* моих скромных успехов. [И. А. Архипова. *Музыка*

жизни (1996)]

ПЕРЕВОД

В пастернаковском переводе Шекспира, как и в тексте Грибоедова, постоянно происходит перемол вторгающихся в него кусков прозы. [Наум Берковский. Шекспир у Эфроса. К гастролям московского театра на Малой Бронной (1990–2000)]

Лютеровский перевод «Нового Завета» (1522) маркирует начало принципиально нового отношения к Писанию. [Виталий Куренной. Медиа: средства в поисках целей // «Отечественные записки», 2003]

ПЛАН

Чубайсовский план реструктуризации РАО «ЕЭС России» прокремлевские фракции поручили проводить не «команде» самого Чубайса, а правительству М.Касьянова. [Александр Нагорный. Все на выборы, всё на продажу // «Завтра», 2003.02.25]

В Париже царь заказал кондуктору Дюменю копию леблонковского плана Петербурга, заплатив за нее 100 ливров [Т. А. Базарова. План петровского Петербурга. Источниковедческое исследование (2003)]

Устиновские планы укрепления передовой феноменальны по масштабам, по разнообразию применяемых средств и детальности проработки всего этого разнообразия. [Виктор Некрасов. В окопах Сталинграда (1946)]

ПОДБОР

Я ловлю себя сейчас на том, что мой подбор свидетельств и аргументов слишком тенденциозный, односторонний, умышленный. [В. Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами (1975–1998)]

ПОНИМАНИЕ

Нравственные основы были в меня заложены в семье, так что мое понимание *греха* — не церковное, а житейское. [С. Тхоржевский. Поздние записи // «Звезда», № 5, 2002] я ... стараюсь дать себе отчет, что нового внесла эта фраза в мое понимание текста и как перестроила старое. [М.Л. Гаспаров. «Снова тучи надо мною...» Методика анализа (1997)]

Если это мое широкое понимание слова «революция» показалось Ог. Астафьеву неправильным, то он мог бы прямо на это возразить... [К.Н. Леонтьев. Культурный идеал и племенная политика (1890) [прямая диатеза]

Конрад считали оппозиционную культуру, по своему смыслу близкую к культуре критического дискурса в гоулднеровском понимании. [Б. М. Фирсов. Интеллигенция и интеллектуалы в конце XX века // «Звезда», № 8, 2001] юнговское понимание душевной жизни человека «как внутренней драмы со множеством персонажей», [С. Г. Бочаров. Вокруг «Носа» (1988)]

ПОСТАНОВКА

Мандельштам, очевидно, уловил карнавалю сторону революционного «действия», начавшегося с мейерхольдовской постановки «Маскарада» [М. Л. Гаспаров, Омри Ронен. Похороны солнца в Петербурге // «Звезда», № 5, 2003]

Чисто мандельштамовская постановка проблемы поведения. [Э. Герштейн. Вблизи поэта (1985–1999)]

ПРОЧТЕНИЕ

Столь же сомнительно его прочтение приватизации. [И. Федюкин. Новые американские книги о постсоветской России // «Неприкосновенный запас», 2003.01.15]

С «набоковским» прочтением Гоголя можно не соглашаться. [В. Сердюченко. Между выморочностью и гениальностью // «Лебедь» (Бостон), 2003.06.23]

РЕШЕНИЕ

Свое решение проблемы предлагают несколько американских компаний, которые выпускают камуфляжные контейнеры для базовых станций. [Маскировка для антенны // «Computerworld», № 29, 2004] найти единственный ключ к пониманию рассказа или даже найти чеховское решение вопросов, поставленных в нем» [Феликс Раскольников. Статьи о русской литературе (1986–2000)]

СПОСОБ

это — лишь лужковский способ оградить россиян от распределения общенационального дохода. [А. Лебедев. Слезам Москвы не верят. Теракт на Дубровке не уменьшил ненависти провинции к столице // «Известия», 2002.11.03]

ТРАКТОВКА

Коммунистические бюрократы возмущались мейерхольдовской трактовкой «Ревизора» — незамаскированной сатирой на них самих. [Ю. Анненков. Дневник моих встреч

(1966)]

Сравнение примеров (а) и (б) показывает, что и в (а) речь идет скорее не о трактовках Чехова, а о трактовках в его стиле:

(а) И в этом году жанровая палитра чеховских трактовок простиралась от нежной лирики до оголтелой буффонады. [Два сюжета // «Театральная жизнь», 2003.08.25]

(б) Получилось забавно: после разгула «**контрчеховских**» трактовок вновь вернуться в милое лоно традиционных смыслов. [Два сюжета // «Театральная жизнь», 2003.08.25]

ТОЛКОВАНИЕ

Интересно, ... что, они думают о моем толковании *Апокалипсиса*? [Л. Сергиевский. Письмо в дискуссии (2000)]

ФОРМУЛИРОВКА

Ибо этой «свободы духа» никогда и не могло быть у нас именно из-за первых двух положений *аксаковской*

формулировки «русского пути». [Г. Киреев. От национальной утопии к национальной идее // «Лебедь» (Бостон), 2003.06.16]

Заключение

Итак, мы обнаружили класс предикатных имен, которые обладают определенной семантической общностью и специфической — посессивной — диатезой: объект — генитив, субъект — посессив (т.е. притяжательное местоимение, притяжательное прилагательное на *-ов* и *-ин* или прилагательное на *-овский*). Модель, порождающая притяжательные прилагательные на *-овский*, обладает, в определенных пределах, абсолютной продуктивностью, и новообразования этого рода весьма широко используются в современном языке — в том числе, для выражения субъекта предикатного имени.

Мы настаиваем на том, что термин «имена способа» является вполне удовлетворительным для увиденного класса слов. Можно надеяться, что лучший термин не заставит себя ждать.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
2. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947.
3. Грамматика 1960 — Грамматика современного русского литературного языка: т. I. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1960.
4. Грамматика 1980 — Русская грамматика. Т. 1–2. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
5. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992.
6. Иорданская Л. Н. Автоматический синтаксический анализ. Наука, Сибирское отделение. Новосибирск 1967.
7. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М.: Наука, 1974.
8. Падучева Е. В. О производных диатезах отпредикатных имен в русском языке. Проблемы лингвистической типологии и структуры языка, Л.: Наука, 1977.
9. Падучева Е. В. Притяжательное местоимение и проблема залога отглагольного имени. // Проблемы структурной лингвистики, М.: Наука, 1984, 50–66.
10. Падучева Е. В. Аспектуальные свойства глаголов с семантическим актантом Результат. Вопросы филологии, 1999, N 3, 19–26.
11. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938.
12. Шмелев А. Д. Посессивы в современной русской грамматике // Динамические модели. Слово, предложение, текст. М.: ЯСК, 2008, 927–942.
13. Grimshaw 1990 — Grimshaw J. Argument Structure. L. etc.: MIT Press, 1990.
14. Schoorlemmer M. Complex event nominals in Russian: Properties and readings. Journal of Slavic linguistics 6(2), 205–254.